

Грамотность посадских людей
г. Ростова Великого
в первой половине XVII века

М.Б. Булгаков

Известно, что условия средневекового русского города, образ жизни горожан, их ориентация на товарно-денежные отношения, использование посадских людей на низовых уровнях государственной службы (в таможнях, кабаках, при различных государственных запасах и т.д.) неизбежно приводили к тому, что часть посадского населения любого города была грамотной. Наличие грамотных в XVII в. среди черных тяглых людей на примере г. Шуи констатировал почти 150 лет тому назад В.И. Борисов, отметивший рукоприкладства грамотных шуян на различных документах ("обысках", "выборах", чelобитных и поручных) и их владельческие записи на рукописных и старопечатных книгах¹.

Попытку определения процента грамотных посадских людей в конце XVI-XVII вв. предпринял А.И. Соболевский, который считал, что для того времени их процент "едва ли может быть определен ниже 20%"². Суть методики А.И. Соболевского, используя которую, он выяснял процент грамотности горожан, заключалась в следующем. Имея подборку опубликованных документов по какому-либо городу с перечнем посадских людей, от чьего имени составлялись документы с рукоприкладствами грамотных из их числа, ученый вычислял долю грамотных людей. Например, на Тихвинском посаде в семи документах за 1613-1694 гг. из упомянутых в них 93-х человек представлены подписи 34 человек, то есть грамотных на посаде в Тихвине было 38 %, на Белоозере в трех документах за 1613-1641 гг. упомянуты 107 чел., из которых подписывали документы 32 человека, то есть грамотных белозерцев было более чем 20 % и т.д.

Однако подсчет А.И. Соболевского, как отметила Н.А. Бакланова, "не удовлетворяет нас с двух сторон. Во-первых, он отличается статичностью: автор дает сведения XVI-XVII вв. без различий во времени в пределах этого периода, между тем как разница была, конечно, весьма значительна, особенно для XVII в. по сравнению с предшествующими столетиями. Во-вторых, метод, применяемый А.И. Соболевским, никак не может быть принят статистикой: На основании нескольких рукоприкладств на 2-3 частных актах или других документах автор делает общее заключение о том, сколько процентов грамотных было среди той или иной группы населения"³. Не разделяя столь суровой оценки метода знаменитого филолога, мы считаем, что его метод, поскольку другого метода для определения доли грамотных посадского (и другого) населения в XVII в. наукой еще не предложено,

может успешно “работать” при известной корректировке и при большем числе документов с рукоприкладствами посадских людей. Эти документы должны быть, по возможности, более тесно привязаны к какому-то определенному отрезку времени, а не растягиваться, как у А.И. Соболевского, на полтора столетия. Характерно, что для оценки распространения грамотности среди тяглецов московской Мещанской слободы и г. Соли Камской во второй половине XVII в. С.К. Богоявленский и Н.В. Устюгов использовали именно метод А.И. Соболевского. В Мещанской слободе процент грамотности в 90-х годах XVII в. доходил до 52 %⁴, а в Соли Камской в то же время - до 49 %⁵.

По предварительным подсчетам Г.В. Судакова, в XVII в. (автор не уточняет конкретный период времени внутри века) в таких городах, как “Великий Устюг, Белозерск, Вологда, Тотьма грамотность доходила до 16 % и выше...”⁶ Однако в дальнейшем автор не развел свои наблюдения о грамотности горожан Вологодского края.

Немаловажным сравнительным ориентиром для сопоставления доли грамотных жителей русских посадов в первой половине XVII в. и в первой половине XVIII в. является исследование М.Я. Волкова о грамотности населения г. Торжка. Используя перепись 1710 г. с наличием уникальной для такого рода документов пометки переписчиков о грамотности или неграмотности каждого дворовладельца, автор отметил, что доля грамотных в 1710 г. в г. Торжке составила более 19 процентов⁷.

В настоящей работе предпринята попытка высчитать долю грамотных посадских людей в первой половине XVII в. для города Ростова Великого, пользуясь скорректированной методикой А.И. Соболевского, а также приемом “наложения” данных документов, где есть рукоприкладства посадских людей, на сведения об этих людях в писцовой книге 20-х годов XVII в., что дает возможность определить род занятий посадских грамотных людей, их социальный статус, и тем самым расширит наше представление о жизни горожан средневековья.

О грамотности тяглого населения города позволяет судить “обыскное” дело 1631 г. о злоупотреблениях ростовского земского старосты 1629 г. Митрофана Кичигина “с товарищи”. Обычно обыскные дела проводились по злоупотреблениям воевод и других приказных людей. В данном случае интерес представляет факт возбуждения дела в отношении выборного представителя от посадской общины. “Обыск”, начался по челобитью ростовцев посадских людей, когда 15 мая 1631 г. “по государеве грамоте из Галицкие чети за приписью дьяка Гуляя Золоторева и по наказной памяти воеводы Василья Петровича Наумова ростовской розыльщик Василий Потулкин спрашивал и обыскивал про ростовца посадского человека про прошлого 137-го году земского старосту про Митрофана Кичигина в Ростове всеми ростовцы посадским людми и вдовами с ряду без выбору по государеву ... крестному целованью”⁸. Посадские люди обвиняли М. Кичигина в том, что

в 1629/30 г. он “взял государеву грамоту по Ивашка Корепина и по ево товарищем по трех человек, поклевав напрасно, что будто Ивашко с товарищи ему Митрофанку, дали на себя приговор, во всем бы его слушати мимо мирсково приговору и из их мирсково приговору тот Митрофанко, на тот Ивашков приговор надеючися, строки собою из него выскребал и иные слова вписывал и мирских людей не слушал и поклепными иски похвалялся и подати с них великие збирал...” Вывясняется также, что земской староста “рняся (т.е. противясь) мирскому сщету на них на посадских людей прода жею и поклепными иски и людцю научкой и убивством похвалялся и насильство великое им чинил...”⁹ М. Кичигин “со своими советниками” хотел завладеть мирскими деньгами и для этого “воровал и во всяких мирских платежах отписи имал и те отписи у себя и от них тайл, а иные послаником (сборщикам) выдавал...”¹⁰ Далее ростовцы приводили перечень конкретных злоупотреблений М. Кичигина и его сына Богдашки (брали “не правдою” по искам у посадских людей деньги, били и увечили посадских людей, поставили лавку на верхнем крестце и проезд и проход загородили и т.д.). В роспросе и в обыске ростовцы подтвердили свои показания. В результате обыска сам М. Кичигин вместе со счетными записями выборных людей по его приходно-расходным книгам, материалами обыска и четырьмя выборными ростовцами, Кирилкой Горбуновым с товарищами, были отправлены в Москву для окончательного решения дела. Выборные ростовцы “волочились” на Москве в приказе Галичской чети за этим делом 35 недель, а М. Кичигин, не дождавшись завершения дела, из Москвы “сбежал безвестно”¹¹. В итоге дело выиграли посадские люди и, очевидно, получили компенсацию за счет имущества виновного, но в деле об этом сведений нет. В обыске участвовало 126 человек и 19 посадских вдов, то есть всего 145 чел. (по нашему подсчету 144 чел., но в списке не указан земский староста 1630 г. Ефрем Черемхин, который, очевидно, вошел в общий итог). Сыск проводился не выборочно, а “всеми посадскими людьми и вдовами с ряду без выбору”, то есть с привлечением всех посадских людей-дворовладельцев, кто на момент обыска находился в городе. Имена всех привлеченных к мероприятию дворовладельцев были перечислены, и на обороте дела приведены рукоприкладства грамотных людей из этого списка - всего 72 рукоприкладства, то есть грамотными были ровно 50 % указанных в обыске ростовцев. Однако при попытке идентификации имен рукоприкладчиков с именами людей-участников “сыска” по делу земского старости оказалось, что в число рукоприкладчиков попали тяглецы, не участвовавшие в сыске¹². Так, можно насчитать 13 имен (из них восемь с отчествами и с фамилиями), которых нет в перечне расспрашиваемых по делу М. Кичигина: Неупокойко, Иевко, Таракко, Ярофейко, Полуня, Михайло Жиляй, Фадейко Байбаков, Кондраша Второва Иванова с Щетинина, Микифорко Шарапов, Климко Кекин, Потап Наумов, Посничко Шандов и Кондрашко Щапов. Кроме того, более пристальное рассмотрение имен рукоприкладчи-

ков и сопоставление их с именами перечня показало, что и в этом случае нет полной идентичности. Отметим, что в перечне участников обыска даются их имена или с одним отчеством, или с фамилией (прозвищем), или с указанием на профессию, например, Ивашко Микитин, Грязнушко Мякрин, Максимко масленник, а рукоприкладчики в половине случаев ставили лишь свое имя, например: "к сему обыску Неупокойко (Сережка, Ивашко и т.д.) руку приложил". В других случаях рукоприкладчики рядом с именем ставили или свои отчества или фамилии, например: "к сим речам Потап Наумов руку приложил", "к сему обыску Семен Куя руку приложил" и т.д. При наличии нескольких Ивашек, Добрынек, Грязнушек и т.д. у рукоприкладчиков с произвольным написанием то их отчества, то их фамилий, а то и без них, затруднительна их конкретная идентификация с лицами, перечисленными в обыске. Тем не менее, используя данные писцовой книги г. Ростова 1624 г.¹³, возможно однозначно установить, что некоторые лица из рукоприкладчиков с одинаковыми именами по перечню и рукоприкладствам на самом деле разные люди. Так, из семи Богдашек перечня руки приложили пять Богдашек, причем один из них приписал, что он Богдашка Шевырин, а в перечне такой фамилии нет. Из пяти Семеек перечня руки приложили четыре, один из которых написал, что он Семейка Микитин, а другой - Семейка Куя. А в перечне нет таких фамилий. Из пяти Гришек руки приложили два Гришки - один Блинов, другой Иванов, которых тоже нет в перечне, и т.д. Всего таких несовпадающих имен по рукоприкладствам и по перечню мы насчитали 12. Такое положение, когда за перечисленных в обыске людей по делу М. Кичигина прикладывали руки их грамотные сыновья или братья, или другие посадские люди без отметки об этом перед рукоприкладством, сложилось, очевидно, в силу того, что обыск проводился не одномоментно, а был растянут во времени. Сначала, как обычно, составлялись черновики "обыска", а затем они переписывались набело и закреплялись подписями посадских людей, которые даже не были участниками "сыска", а перечисленные в списке люди к тому времени могли "съехать" из города по своим торговым и промысловым делам.

Таким образом, чтобы правильно определить количество грамотных ростовцев, необходимо из числа рукоприкладчиков вычесть рукоприкладства не зафиксированных в обыске людей, то есть $72-25=47$ чел. Исходя из этой цифры, высчитываем процент грамотных, зафиксированных в обыске, который будет составлять 36 %. Нам представляется, что эта цифра вполне реально показывает долю грамотных посадских людей г. Ростова Великого для первой половины XVII в.

Необходимо отметить, что ростовские посадские люди "отвели" из обыска 66 человек "роду и племени, и заговору, и хлебоежцев" Митрофана Кичигина, которые могли бы выступать с другими показаниями. В их число вошли второй земской старosta 1629 г. Лукьянко Ондронов, целовальники того же года Кручинка Истомин, Иван Онофриев, Лука Ермолин, Мишка

Горшечников, Окинька Белобровин, Куземка Возницын, Онаша Москвин, Четвертой Колесников и также "советники" М. Кичигина - Яков Ботинин, Посник Шалдов, Самсон Колесников, Богдан Дворяшин. Из "товарищей" М. Кичигина в деле упомянуты также некие Стефанко и Полунька¹⁴. Вместе с "отведенными" от обыска людьми М. Кичигина, процент грамотности которых был, очевидно, такой же, как и у прочих ростовцев, то есть 36 %, и дополнительными "рукоприкладчиками" в деле могли принимать участие 256 чел., в основном дворовладельцы. Если учесть, что по писцовой книге 1624 г. на Ростовском посаде было 292 двора тяглых и бобыльских (вместе с дворами Рыболовной и Сокольничей слобод)¹⁵, то видно, что в этом деле было заинтересовано 80 % податного населения города.

Изучаемое дело интересно и тем, что отражает непростую обстановку внутри посадской общины, когда группа состоятельных людей хотела "для своей корысти" использовать мирские деньги, пользуясь выборными должностями.

В Ростове Великом грамотные были и среди бобыльского населения. Так, в числе рукоприкладчиков были бобыли Сергей Переварин, Иван Семенов, Иван Богданов, Григорий Блинов, Григорий Иванов, статус которых выясняется из данных писцовой ростовской книги 1624 г. Грамотные ростовцы - торговцы и ремесленники - владели торговыми заведениями, а некоторые из них, например, Фрол Смолкин, Осип Павлов и семейство бобылей Масленниковых - два брата и отец "писали на площади"¹⁶, то есть были "площадными подъячими".

Взяв за основу для определения грамотности ростовцев лишь один источник, мы не могли использовать метод полного "наложения" его данных о рукоприкладчиках на данные писцовой книги г. Ростова, поскольку в обычке не были представлены "отводные" дворовладельцы и половина рукоприкладчиков указана лишь по именам (без отчеств и фамилий). При этом обращает на себя внимание упоминание источника о том, что в Ростове "многие, де, посадские люди грамоте умеют"¹⁷. Отсюда можно заключить, что выведенный процент грамотных посадских людей является минимальным.

Отметим, что для сравнения уровня грамотных ростовцев и других горожан в первой половине XVII в. мы, используя мирские документы - приговоры, выборы, поручные, мировые с рукоприкладством посадских людей г. Луха 1616-1617 гг. и данные писцовой книги 1625-1626 гг. этого города, определили, что там доля грамотных составляла около 14 % населения. Таким образом, в Лухе - незначительном посаде - уровень грамотности посадских людей был почти в 2,5 раза ниже, чем в Ростове Великом - центре церковной идеологии. Отсюда ясно, что роль духовного сословия, культурных традиций в деле развития просвещения среди городского населения таких городов, как Ростов, не нуждается в комментариях. Примерно так же обстояло дело с грамотностью населения городов Владимира, Суздаля,

Москвы, Костромы, Твери, Углича, Дмитрова, Н. Новгорода, В. Новгорода, Пскова и других старинных центров религиозно-культурной жизни Московского государства. Большое значение для развития грамотности населения имело также экономическое значение города, в частности - расположение его на торговых путях, сухопутных или водных, развитие местной торговли и т.д.

В заключение отметим, что для характеристики уровня распространения грамотности в городах XVII в. необходимо использовать не только данные о наличии в среде посадских людей церковных и светских книг, а то и целых библиотек¹⁸, но и данные о личных архивах горожан, в составе которых содержались различные документы, что также свидетельствовало о потребности в грамоте среди посадского населения¹⁹.

*

- ¹ Борисов В.И. Взгляд на грамотность шуян в XVII и XVIII столетиях и краткие сведения о находящихся ныне в Шуе училищах // Владимирские губернские ведомости. 1854. № 40. Ч. неоф. С. 310-314.
- ² Соболевский А.И. Образованность Московской Руси XV-XVII веков. СПб., 1892. С. 11.
- ³ Бакланова Н.А. Русский читатель // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 162.
- ⁴ Богоявленский С.К. Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980. С. 160.
- ⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955, С. 556; Устюгов Н.В. Научное наследие. М., 1974. С. 78.
- ⁶ Судаков Г.В. Грамотность и книжная культура вологжан в XVII в. // Материалы по истории Европейского Севера. Северный археографический сборник. Вологда, 1973. Вып. 3. С. 219.
- ⁷ Волков М.Я. О грамотности посадских людей Торжка в начале XVIII в. // Историографические и исторические проблемы русской культуры. М., 1982. С. 80.
- ⁸ РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1631 г. № 26. Л. 183. Часть обыскного дела находится в том же фонде: 1632 г. № 51. Л. 1-31.
- ⁹ Там же. Л. 185.
- ¹⁰ Там же. Л. 184-185.
- ¹¹ Там же. Л. 214.
- ¹² Регистр участников обыска (там же. Л. 185-187), рукоприкладства посадских людей (там же. Л. 183 об. - 187 об.).
- ¹³ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 380.
- ¹⁴ Там же. Ф. 141. 1631 г. № 26. Л. 65, 69.
- ¹⁵ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 380. Л. 183.
- ¹⁶ Там же. Л. 20 об., 86; Ф. 396. Стб. 39647. Л. 89; Стб. 48637. Л. 142. Ростовец Фролко Смолкин, выбранный "для Соборного Уложения" на Земский собор 1648 г., куда делегировались наиболее зрелые и авторитетные члены посадских общин, подписывал Уложение и прикладывал руку за неграмотного тяглеца Старой Руссы Родиона Пашковского (Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961. С. 429. Приложение II).
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 141. 1632 г. № 51. Л. 15.
- ¹⁸ См.: Бакланова Н.А. Русский читатель XVII в. С. 185-187; Луппов С.П. Книга в России в XVII в. Л., 1970. С. 82-85.
- ¹⁹ Булгаков М.Б. К вопросу о реконструкции архива горожанина XVII в. // Советские архивы. 1981. № 4.